

И Минсян, вернувшись из секты Цинфэн в поместье И, в подробностях рассказал деду, И Линю, о пережитом за последние дни. И Линь был глубоко признателен Ли Уману.

— Уман — всего лишь юноша, но ради того, чтобы спасти Минсяна, он пошел на огромный риск и взобрался на вершину. Я искренне восхищаюсь его поступком. Однако об этом деле не должен знать никто посторонний.

— А что отвечать, если господин спросит, как я вернулся?

И Линь немного подумал и произнес:

— Скажи, что не знаешь причин, просто сильные люди из горной секты вернули тебя домой.

И Линь повидал на своем веку немало людей. После того как Лю Сычэн поселился в поместье И и стал чаще общаться с хозяином, у И Линя укрепилось подозрение, что этот человек по имени Ван Цзи — личность крайне загадочная и непостижимая. Когда И Линь отправился в столицу повидаться с друзьями, он прихватил с собой список книг, который Ван Цзи составил для И Минсяна, и передал его своему сыну, отцу И Минсяна, служившему младшим министром в Министерстве обрядов, с наказом втайне во всем разобраться.

Отец И Минсяна когда-то служил в императорском кабинете, прислуживая императору Цяньтаю, Лю Чжоу. После наставления отца он не стал вмешиваться в борьбу партий Ван Цзи и Пань-вана. Когда на трон взошел император Тяньшунь, Лю Сыши, отец И Минсяна попал в опалу и был переведен на должность младшего министра в Министерство обрядов.

В бытность свою при императорском кабинете И Шилан не раз видел доклады Лю Сычэна. Взяв в руки список книг, он почувствовал, что почерк ему знаком. Однако в тот момент он не мог вспомнить, где его видел, поэтому стал внимательнее присматриваться к документам.

Однажды, разбирая архив Министерства обрядов, он наткнулся на ритуальный текст, написанный рукой самого Ван Цзи, Лю Сычэна. Почерк был идентичен тому, что был в списке, полученном от отца. Уединившись, он сравнил бумаги и окончательно убедился: это почерк Лю Сычэна.

И Шилан поведал обо всем отцу. И Линь уже встречался с Ван Цзи, но этот Ван Цзи был не только старше Лю Сычэна, но и отличался от него лицом и голосом. И Линя терзали сомнения. Он вспомнил одну заметку из записок о странном: в горах живут необычные люди, которые, сжигая талисманы и растворяя пепел в воде, могут изменить голос и внешность. Казалось, теперь многое прояснилось.

И Линь, выслушав сына, задумался и сказал:

— Дело это опасное, нельзя проронить ни слова. Я знаю, что Ван Цзи был оклеветан, но он — корень грядущих бед. Остается лишь надеяться, что он сам уйдет.

— Отец, нынешний император погряз в пьянстве и разврате, при дворе заправляют предатели. Порядок рухнул, народ бедствует. В народе ходит множество песен и хвалебных слов о Ван Цзи, — И Шилан налил отцу чаю.

— И что же они говорят?

— Говорят, что Ван Цзи заботился об общем благе и не стал использовать войска для защиты себя лишь ради того, чтобы сохранить империю рода Лю. Он позволил сыноубийце-предателю захватить трон. В песнях поется: «Одним ударом меча поразил белого тигра, глубоким замыслом спас народ от голода» — так они воспевают его заслуги.

И Линь молчал. Через некоторое время он спросил:

— Говорят, что сын и дочь Ван Цзи находятся в государстве Бай, правда ли это?

— Истинная правда. Император много раз требовал их выдачи, но Сумаха, правитель из рода Ци, просто не возвращает детей. У этого Сумахи особое положение в государстве Бай: он наследный правитель племени у подножия гор Даман. Хотя император государства Бай и хотел бы вернуть детей, он не может давить на Сумаху. Впрочем, сейчас, кажется, назревают перемены.

— Какие?

— Император Тяньшунь подкупил нескольких могущественных чиновников государства Бай, и те на совете настаивают на возвращении детей Ван Цзи в государство Ань. Говорят, император государства Бай уже издал указ, чтобы Сумаха передал детей. В ближайшие пару дней все должно решиться.

И Линь отпил чаю:

— Как будут новости — сразу сообщи мне.

Через несколько дней И Шилан пришел к отцу.

— Отец, сегодня пришли новости. Сумаха увел свое тринадцатитысячное войско обратно к подножию гор Даман, оставив императору письмо. Смысл его таков: Ван Цзи доверил мне своих детей, а теперь император, поверив клевете, хочет опорочить меня. У Сумахи нет иного выхода, кроме как сложить с себя титул правителя Ци и вернуться пасти овец.

— А детей Ван Цзи он забрал с собой?

И Шилан кивнул:

— Да, всех забрал.

— Я не силен в стратегии, но в людских делах разбираюсь. Для Ван Цзи настал решающий момент.

— Отец, почему же это шанс для него? — И Шилан не понял.

— Армия государства Бай держится прежде всего на племенных воинах Сумахи. Восемьсот тысяч солдат Бай противостоят войскам трех северных областей, силы равны. Но превосходство Бай над государством Ань держалось именно на этих племенных частях. Уход Сумахи ослабит боеспособность армии Бай как минимум на сорок процентов. Три северные области в опасности.

— Если боевая мощь Бай так упала, почему же опасности подверглись области государства Ань?

— Пока армия Бай была сильна, император Тяньшунь не решался смещать генералов, командующих в трех северных областях. Восемьсот тысяч солдат там, хоть и сочувствовали Ван Цзи, не пошли бы на опрометчивые шаги.

— Отец, а что же теперь?

— Теперь, когда на границе Бай ослабел, генералы в трех северных областях неизбежно испугаются, что двор начнет чистки и поставит на их места своих людей. В той армии полно старых соратников Ван Цзи. Он всегда держал дисциплину, все были едины. Даже без вмешательства двора там могла начаться смута, а уж если император Тяньшунь сделает хоть шаг — бунт неизбежен.

И Линь, много лет прослуживший в чиновничьем аппарате, всегда ясно видел суть вещей. Подумав, он добавил:

— Ван Цзи в свое время не стал поднимать мятеж, опасаясь, что государство Бай воспользуется этим и погубит империю Лю. Теперь внешняя угроза устранена. У Ван Цзи больше нет причин для сдержек. Узнав об изменении ситуации, он неминуемо вспомнит о своих старых частях, и тогда положение станет еще сложнее.

— Отец, что же нам делать? — И Шилан хотел знать план отца.

— Сохранять спокойствие и ждать перемен, — ответил И Линь и закрыл глаза.

Вернувшись в Гаочжоу, И Линь вел себя с Ван Цзи как обычно, лишь изредка подбрасывая ему сведения о ситуации при дворе. И Шилан часто присылал письма, и И Линь, узнавая что-то новое, делился этим с Ван Цзи.

Лю Сычэн начал терять терпение. После того как И Минсяна похитили и вернули из секты Цинфэн, Лю Сычэн через несколько дней сказал И Линю, что у него дела дома, взял отпуск на месяц и покинул поместье. Он направился в три северные области.

Прибыв в Сючжоу, Лю Сычэн остановился в гостинице. Каждый день он ходил по кабакам и чайным, выведывая новости, и убедился: время пришло. Однажды глубокой ночью он пробрался к резиденции губернатора Чжан Вана. Используя внутреннюю энергию, он легко перемахнул через стену и бесшумно приземлился во дворе.

Миновав стражу, он приблизился к покоям Чжан Вана. Увидев в окне свет, Лю Сычэн проткнул бумагу на окне и заглянул внутрь: Чжан Ван читал книгу. Даже при его уровне мастерства он не заметил появления Лю Сычэна.

Лю Сычэн использовал технику Передачи звука в секрете:

— Генерал Чжан, это я, Лю Сычэн. Не шумите, откройте дверь.

Чжан Ван вздрогнул. Кто-то подобрался к его окну, а он и не заметил! Но голос был не Ван Цзи. Он сидел неподвижно, не спеша открывать дверь.

— Генерал Чжан, я изменил внешность и голос, у вас есть вопросы — спрашивайте.

Чжан Ван подумал: если это действительно Ван Цзи, то с его мастерством он мог бы свободно разгуливать по резиденции и без всяких маскировок. А вдруг это и правда он? С этой мыслью он закричал:

— Стража! Взять убийцу!

На шум сбежались солдаты. Лю Сычэн, видя такое, отступил. Вернувшись в гостиницу, он размышлял: положение Чжан Вана сейчас трудное, двор ему не доверяет, и он, должно быть, опасается, что император прислал кого-то для проверки, поэтому и поднял тревогу. Но он кричал только про убийцу, не упоминая Ван Цзи. Значит, сомневается.

Чжан Ван, закончив кричать, вышел наружу. Увидев удаляющийся силуэт и легкость движений Лю Сычэна, он уже на тридцать процентов поверил, что это Ван Цзи.

На следующую ночь Лю Сычэн снова явился в резиденцию. Чжан Ван, вспомнив вчерашнее, не стал усиливать охрану, а просто сел за стол с книгой, ожидая. Лю Сычэн снова проткнул бумагу и позвал:

— Генерал Чжан, откройте.

Чжан Ван был готов и ответил через Передачу звука в секрете:

— Раз вы пришли снова, значит, считаете меня глупцом?

— Что мне сделать, чтобы вы поверили?

Чжан Ван невозмутимо ответил:

— Если вы выдержите мой удар Появление из Пустоты и останетесь живы — я поверю.

Этот прием был самоубийственным методом секты Великого Ян. Когда Чжан Ван учил ему Лю Сычэна, тот спросил, как его блокировать, на что Чжан Ван ответил: «Это прием для того, чтобы уйти в могилу вместе с врагом, он не имеет защиты».

Лю Сычэн обладал выдающимся талантом. Хотя он владел лишь Мечом разбитых котлов, его Сердечная техника «Остатки целостности» достигла третьего уровня, и он досконально изучил меч. Мучительно размышляя, он внезапно придумал контрприем для спасения жизни и показал его Чжан Вану.

— Старший принц, вы умны, я и рядом не стоял, — сказал тогда Чжан Ван. — Этот прием хоть и противоречит здравому смыслу, но эффективен. Как его назовем?

Лю Сычэн, будучи ребенком, в шутку ответил:

— Пусть называется «Рядом не стоял».

Они рассмеялись. Об этом приеме не знал никто, кроме них.

Услышав это из-за окна, Лю Сычэн без колебаний ответил:

— Я прекрасно помню прием «Рядом не стоял», разумеется, я выживу.

Чжан Ван вскочил и открыл дверь, впуская Лю Сычэна.

— Чжан Ван просит прощения у Вашего Высочества! — он упал на колени, но Лю Сычэн поднял его. Видя, что по лицу Чжан Вана текут слезы, Лю Сычэн тоже не сдержался.

— Чжан Ван, как ты тут?

— Милостью Вашего Высочества, все хорошо.

Лю Сычэн огляделся:

— Здесь можно говорить?

— Я надеялся, что вы придете, тут никого нет. Прошу, садитесь.

Лю Сычэн сел:

— Чжан Ван, садись и ты.

После того как Чжан Ван налил ему чаю, они начали разговор.

— Чжан Ван, ты уверен в войсках трех северных областей?

— С тех пор как вы попали в опалу, двор опасался нападения государства Бай и несколько месяцев не вмешивался в дела нашей армии. Я был назначен из столицы, особых заслуг на границе не имел. Когда вы были здесь, многие генералы опирались на вашу милость и относились ко мне с холодком. Но когда вы ушли, все изменилось.

— Как изменилось?

— После вашего ухода эти генералы пришли ко мне, предлагая поднять бунт. Я был с ними откровенен и передал ваши слова. Хотя они были возмущены, им пришлось смириться. Они очень уважают меня. Я держу войска под контролем.

— Если я решу навести порядок в стране, армия трех областей пойдет за мной? — это была главная цель поездки Лю Сычэна.

Чжан Ван снова опустился на колени:

— Отвечаю Вашему Высочеству: армия готова.

Лю Сычэн не позволил ему встать и сурово произнес:

— Чжан Ван, это касается жизни множества людей. Подумай, прежде чем отвечать.

Чжан Ван выпрямился, его взгляд был тверд:

— Отвечаю Вашему Высочеству: армия готова.

Лю Сычэн помог ему подняться:

— Чжан Ван, что ты знаешь о ситуации в государстве Бай?

— Ваше Высочество, я постоянно слежу за переменами там. Сумаха — настоящий герой, у вас острый глаз на людей.

Лю Сычэн покачал головой:

— Это все благодаря господину Хуа.

Чжан Ван кивнул:

— Если бы не принципиальность Сумахи, ситуация могла бы выйти из-под контроля.

— Что ты имеешь в виду? — Лю Сычэн взглянул на него.

— О том, что двор требовал выдачи принца и принцессы, знают все. В армии трех областей царил уныние. Ко мне приходили более десяти командующих, у них под началом более пятисот тысяч человек. Они говорили: если Бай вернет принца и принцессу, они обязательно будут проезжать через наши области. Они предлагали мне отбить детей, объявить независимость и ждать вашего возвращения.

Лю Сычэн хмыкнул:

— Глупцы! Двое детей — это сущая мелочь.

— Генералы считали, что кровь Ван Цзи священна и нельзя позволить другим распоряжаться ими. Я просил их не горячиться, уверяя, что не останусь в стороне.

— Чжан Ван! Что я говорил тебе при расставании? Как ты посмел действовать по своему усмотрению? — Лю Сычэн нахмурился, явно недовольный.

— Ваше Высочество, если бы я не сделал этого, меня бы убили, и ситуация стала бы еще хуже. К тому же, я не мог допустить, чтобы принц и принцесса пострадали.

Лю Сычэн вздохнул:

— Я ценю вашу верность. Какова ситуация сейчас?

— В армии пока тихо. Но есть опасения, что из-за ухода Сумахи боеспособность Бай упала, и они больше не угрожают нам, поэтому двор может начать перестановки, чтобы ослабить ваше влияние, — Чжан Ван был обеспокоен.

— Теперь, когда внешняя угроза устранена, я намерен навести порядок. Когда придет время, ты сможешь действовать открыто, не оглядываясь назад, — холодно произнес Лю Сычэн.

— Значит, мы уже можем поднять знамя восстания? — Чжан Ван просиял.

— Еще рано. Ждите моего приказа.

— Армия готова в любой момент исполнить вашу волю.

Вернувшись в Аньчжоу после встречи с Чжан Ваном, Лю Сычэн продолжал жить в поместье И, исполняя роль учителя. На душе у него стало спокойнее. Он подсчитывал силы: чтобы сместить императора Тяньшуня, одних войск трех областей было недостаточно, поэтому он выжидал момент.

И Линь вел себя как обычно, но Лю Сычэн чувствовал, что отношение деда изменилось, хотя не мог понять, в чем именно. Он подозревал, что И Линь догадывается о его настоящем имени, но не имеет доказательств.

Ли Уман и И Фуань несколько дней провели в городке Хунье.

— Старший брат, может, съездим в Аньчжоу, навестим второго брата? — предложил И Фуань.

— Я давно хотел, да боюсь, что, встретившись с господином, не буду знать, что сказать.

Ли Уман испытывал к Ван Цзи одновременно благодарность, уважение и легкую обиду.

— Брат, господин Ван помог тебе, будет правильно навестить его перед праздником.

Ли Уман кивнул.

Прибыв в Аньчжоу, они купили фруктов и сладостей и пришли в поместье И. Слуги, знавшие их, доложили И Минсяну, который все дни проводил за книгами и тренировками. Услышав о приходе Ли Умана и И Фуаня, он выбежал навстречу и, радостно приветствуя их, повел в сад, где занимался Ван Цзи.

Лю Сычэн читал в комнате, услышав голоса, вышел на порог. Ли Уман, увидев его, поклонился:

— Уман приветствует благодетеля.

И Фуань и И Минсян также поклонились. Они вошли в комнату, Ли Уман поставил гостинцы на стол.

— Как вы себя чувствуете, благодетель?

— Хорошо, Уман. Пришел — и ладно, зачем тратить на подарки?

Ли Уман искренне ответил:

— Я никогда не забывал вашей доброты, это лишь знак внимания.

— Когда ты уходил, хромая, не было ли у тебя обиды на меня?

— Я был виноват перед вами, — признал Ли Уман.

Лю Сычэн улыбнулся:

— Уман, ты честен.

— Прощу прощения, — Ли Уман снова поклонился.

Лю Сычэн взмахнул рукой:

— Это была не твоя вина.

Вернувшись из трех областей, Лю Сычэн был в хорошем настроении и сменил гнев на милость.

— Нога зажила?

— Милостью благодетеля, все хорошо.

Лю Сычэн сейчас нуждался в человеке вроде Ли Умана, чтобы знать, что творится снаружи. Услышав, что Ли Уман продолжает называть его благодетелем и не собирается возвращаться, он, человек, не привыкший считаться с чужими чувствами, прямо сказал:

— Раз зажила, возвращайся.

Ли Уман, предвидя такой поворот, хотел вежливо отказаться, но, услышав слова господина, не нашел, что возразить, и ответил:

— Слушаюсь.

Вспомнив про нефритовую кровать Хоудао в благословенной земле Фугуан, он чувствовал себя не в своей тарелке. Лю Сычэн, конечно, все понял, но не стал развивать тему.

— Благодетель, мне нужно предупредить родственников.

— До праздника еще десять дней, приходи после Нового года, — он достал серебряный слиток в пять лян. — Это твое жалованье за год.

Лю Сычэн мастерски умел привязывать к себе людей. Он не упускал мелочей, даже когда дело касалось такого юноши, как Ли Уман. Иначе солдаты в трех северных областях не были бы так преданы Ван Цзи.

Ли Уман был тронут:

— Благодетель, эти пять лян я хочу вернуть вам.

Лю Сычэн притворился удивленным:

— С чего бы это?

— Вы тогда дали десять лян, чтобы выкупить меня. Я не забыл.

Лю Сычэн принял слиток:

— Хорошо, тогда пусть будет по-твоему.

— Благодарю, господин, — Ли Уман ощутил, что мнение о Лю Сычэне стало лучше.

Попрощавшись с Лю Сычэном, троица вышла на улицу. И Минсян спросил:

— Брат, ты правда вернешься?

— Раз обещал господину, значит, вернусь.

И Минсян обрадовался:

— Значит, будем видеться каждый день!

— При встрече называй меня Уман, не зови братом, — наказал Ли Уман.

— Слушаюсь.

После событий в секте Цинфэн он всем сердцем уважал этого «старшего брата».

Ли Уман и И Фуань дошли до городка Хунье, распрощались, и Ли Уман вернулся в секту Фугуан. Встретившись с Хэй Тайсуем, он рассказал, что возвращается в поместье И, и поднялся на вершину горы Фэншань, в благословенную землю Фугуан.

Хэй Тайсуй срочно созвал остальных пятерых глав, и те пришли в замешательство.

— Глава Хэй, надо что-то придумать, чтобы оставить главу секты здесь, — сказал Чан Шань.

— Он дал слово господину, к тому же господин Ван помог ему. Уман — человек, знающий цену долгу, как он может нарушить обещание? — Хэй Тайсуй лишь качал головой.

— Нужно открыть в Аньчжоу лавку, чтобы в случае чего можно было связаться с главой, — предложила Да Хун.

— Тогда откроем напротив поместья И лавку, будем торговать лекарственными травами из Диких земель, — Иси уже продумал бизнес-план. Все согласились.

Главы решили действовать быстро. За день до Нового года лавка «Зал Великого Гуманизма» открылась. Ли Уман как раз спустился с горы, и главы сообщили ему о своем решении.

Ли Уман рассмеялся:

— Не стоило открывать лавку ради меня.

Но все настояли на своем, и ему пришлось согласиться.

На этот раз Ли Уман усердно тренировался. На седьмой день, в середине пути, капля духовной энергии просочилась через точку Иньтан в каналы, а затем распространилась по всему телу. Кожа, напитанная энергией, очистилась, и он обильно вспотел.

Закончив тренировку, он обнаружил на теле слой черной зловонной жижи. Он смыл ее водой в каменной пещере.

К девятому дню на теле не осталось грязи, а кожа стала намного светлее. Ли Уман совершил прорыв: с третьего уровня Тренировки Ци он перешел на четвертый.

Согласно Формуле Созерцания Дао, для четвертого уровня требовалась Таблетка очищения тела, подобно тому как для третьего была нужна Пиллюля очищения каналов.

Ли Уман переживал из-за отсутствия таблеток, но Эссенция крови Феникса превзошла все ожидания, позволив повысить уровень культивации без лекарств.

— Уман, завтра Новый год, главы хотят встретить его с тобой в секте Фугуан, — сказал Хэй Тайсуй.

— Благодарю за приглашение, но если братья в секте напьются и устроят беспорядки, а нас не будет рядом, что делать?

— Не волнуйся, мы все устроили, — заверили его главы.

Встретив Новый год с шестью главами, Ли Уман отправился в поместье И. Лю Сычэн относился к нему как прежде: утром тренировки с И Минсяном, днем учеба, после обеда — продажа семечек и леденцов, а по вечерам — рассказы о новостях.

Лавка «Зал Великого Гуманизма» находилась прямо напротив ворот поместья. Ли Уман каждый день проходил мимо, когда шел торговать. Да Хун, будучи единственной женщиной среди глав, взяла управление лавкой на себя. Она наняла приказчика, а сама проводила дни на втором этаже, наблюдая из-за штор за прохожими и ожидая Ли Умана.

Даже видя его, она не решалась окликнуть его, лишь смотрела. Иногда Ли Уман заходил поболтать.

— Госпожа Да, я думаю, господин Ван велел мне вернуться, чтобы каждый день узнавать новости. Похоже, его больше заботит общая ситуация.

— Ученые люди говорят: в упадке и процветании страны виноват каждый. Видимо, ваш господин из таких.

— Но мне трудно каждый день узнавать новости, продавая семечки, — вздохнул Ли Уман.

— Что же делать? — Да Хун задумалась.

— Госпожа Да, выделите двух человек, пусть ходят по кабакам и чайным, а потом пересказывают новости мне. Это будет куда эффективнее, чем полдня торговать семечками.

— Отлично, тогда ты сможешь просто пить здесь чай.

— Я не хочу лениться, просто хочу освободить время для тренировок.

— Наверху есть комната, там тихо. Завтра приходи, я все устрою, — рассмеялись они.